

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

Сообщения Ростовского музея

Выпуск XXVI

Ростов
2021

УДК 94(470.316-21)(082)
ББК 63.3Яр
С 63

Сборник научных статей
«Сообщения Ростовского музея», выходит с 1991 года

Под общей редакцией А. Г. Мельника, С. В. Сазонова

Редактор Л. Ю. Мельник

Сообщения Ростовского музея. Выпуск XXVI. — Ростов :
С 63 Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», 2021. —
252 с., ил.
ISBN 978-5-6046011-2-9

УДК 94(470.316-21)(082)
ББК 63.3Яр

ISBN 978-5-6046011-2-9

© Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль», 2021

Содержание

Булгаков М. Б. (<i>Москва</i>). Кадашевцы — таможенные и кабацкие откупщики XVII века	5
Морозов А. Г. (<i>Ростов</i>). Кустарная пищевая промышленность Ростовского уезда в конце XVIII — первой половине XIX в.	18
Смирнов Я. Е. (<i>Ярославль—Ростов</i>). Московский университет. Глава из биографической книги об Александре Андреевиче Титове.....	35
Степанов К. А. (<i>Ростов</i>). Прием и размещение военнопленных в деревне Исады Ростовского уезда Ярославской губернии в 1916 году	66
Смирнов Я. Е. (<i>Ярославль—Ростов</i>). Мемориальные публикации об Александре Андреевиче Титове в эмигрантской периодике	77
Федотова М. А. (<i>Санкт-Петербург</i>). История записи посмертных чудес Димитрия Ростовского	96
Мельник А. Г. (<i>Ростов</i>). Деисусные чины с образом Господа Саваофа посредине.....	109
Мельник Л. Ю. (<i>Ростов</i>). Новые определения персонажей на 95 серебряных предметах собрания музея «Ростовский кремль».....	122
Игошев В. В. (<i>Москва</i>), Ченцова В. Г. (<i>Москва</i>). Ростовские серебряники и вологодская литургическая утварь в храме Оксфорда	149
Мельник Л. Ю. (<i>Ростов</i>). Финифтяные иконы, отражающие «Сказание о явлении честого и животворящего Креста Господня и Чудотворца Николая»	176

Печкина Л.В. (<i>Ростов</i>). К истории каменного моста Ростова в последней четверти XIX–XX в.	204
Каретников А. Л. (<i>Ростов</i>). Зооморфный гребень с Сарского городища	218
Мельник А.Г. (<i>Ростов</i>). О псевдонаучной статье Т. Л. Никитиной в «Архитектурном наследстве»	237
Михаил Борисович Булгаков (некролог)	249
Список сокращений.....	250

О псевдонаучной статье Т. Л. Никитиной в «Архитектурном наследстве»

А. Г. Мельник

В 72-м выпуске «Архитектурного наследства» опубликована статья Т. Л. Никитиной «Градостроительные аспекты деятельности ростовского митрополита Ионы»¹. В резюме работы сказано: «Статья посвящена малоизученным аспектам деятельности ростовского митрополита Ионы (на кафедре с 1652 по 1690 г.), связанным с градостроительством»².

Но это утверждение не соответствует действительности, поскольку статья в значительной своей части представляет собой пересказ работ других авторов, и моих в том числе, без соответствующих ссылок. Чтобы не быть голословным, приведу примеры из разбираемой статьи. Далее эти примеры будут даваться в кавычках под номерами.

1. «В ростовском Успенском соборе митрополит Иона переустроивал главным образом интерьер»³. Сведения об этом переустройстве впервые изложены в моих работах⁴, которые Никитиной хорошо известны, поскольку в других изданиях она на них ссылалась⁵. Да и вообще, как ей было не знать об этих и других моих публикациях, если она многие годы работала в архитектурном отделе музея «Ростовский кремль», которым я заведую?

2. «О состоянии архиерейского дома в 1620–1640-е гг. можно судить только по случайным и отрывочным источникам. Так, известны вкладные записи на книгах, данных митрополитом Варлаамом в Григорьевский монастырь, что в саду, [17, с. 221 (кат. 245, 311–312 (кат. 362)] из чего можно заключить, что эта часть нынешнего ансамбля существовала до Ионы (и, по-видимому, осталась на своем месте, получив новые постройки)»⁶. Ссылки на первоисточники создают впечатление, что Никитина открыла факт существования Григорьевского монастыря в указанное время. Спрашивается, разве это надо доказывать? Оказывается, надо, дело в том,

¹ Никитина Т. Л. Градостроительные аспекты деятельности ростовского митрополита Ионы // Архитектурное наследство. СПб., 2020. Вып. 72. С. 46–55.

² Там же. С. 46.

³ Там же. С. 47.

⁴ Мельник А. Г. К истории иконостаса Успенского собора Ростова Великого // Памятники культуры. Новые открытия (далее — ПКНО). 1992. М., 1993. С. 338–343; Мельник А. Г. Интерьер ростовского Успенского собора в XVI–XVIII вв. // Сообщения Ростовского музея (далее — СРМ). Ростов, 1993. Вып. 5. С. 67–70.

⁵ Никитина Т. Л. Русские церковные стенные росписи 1670–1689-х годов. М., 2015. С. 97–98.

⁶ Никитина Т. Л. Градостроительные аспекты деятельности... С. 48.

что после проведения в 1955 г. археологических исследований на территории монастыря или затвора Н. Н. Воронин пришел к выводу о его ликвидации в конце XV в.⁷ В. С. Баниге считал, что Григорьевский монастырь перестал действовать в XVI в.⁸ В 1990 г. я, опираясь на данные письменных источников и археологических исследований, доказал, что Григорьевский монастырь не был упразднен в XV в. и просуществовал до начала XVIII в.⁹ Как видим, и этот мой вывод Никитина представила как свой собственный.

3. «Судя по расположению фундамента прямо перед ныне существующими воротами, так что часть его находится под восточной фланкирующей башней, колокольня была разобрана перед началом строительства новой резиденции митрополита Ионы»¹⁰. Выше Никитина сослалась на статью археолога А. Е. Леонтьева 1999 г.¹¹ Но данный текст Никитиной подан как принадлежащий ей лично. В упомянутой статье Леонтьева нет важнейшей подробности о расположении части фундамента древней колокольни собора под фланкирующей башней. Эта подробность содержится в моей статье 1995 г.¹² Я же с согласия А. Е. Леонтьева тогда ссылаюсь на его археологический отчет. Таким образом, Никитина присвоила выводы Леонтьева в моем их пересказе.

4. «В ансамбль включается и церковь Спаса на Торгу, уравнивающая архитектурную композицию, центром которой является собор, при обзоре из-за пределов земляной крепости, с севера и северо-запада»¹³. Здесь Никитина присвоила идею В. С. Баниге¹⁴. На самом же деле, как свидетельствуют исторические планы кремля¹⁵, церковь Спаса на Торгу, будучи приходской, никогда не включалась в его ансамбль.

5. «На центральном дворе был разбит сад (возможно, имевший регулярную планировку, хорошо читавшуюся при взгляде сверху), в центре двора

---

⁷ Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектурных памятников Ростова // Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. Древний Ростов. Ярославль, 1958. С. 23.

⁸ Баниге В. С. Кремль Ростова Великого XVI–XVII века. М., 1976. С. 123.

⁹ Мельник А. Г. К вопросу о времени существования Григорьевского затвора в Ростове Великом // Уваровские чтения. Тезисы докладов. Муром, 1990. С. 25–27; Мельник А. Г. Митрополичий сад Ростовского кремля // История и культура Ростовской земли (далее — ИКРЗ). 1997. Ростов, 1998. С. 149–163.

¹⁰ Никитина Т. Л. Градостроительные аспекты деятельности... С. 48.

¹¹ Леонтьев А. Е. Из истории ростовской Соборной площади (по археологическим данным) // ИКРЗ. 1998. Ростов, 1999. С. 26–33.

¹² Мельник А. Г. Колокольня XVI в. ростовского Успенского собора // СРМ. Колокола и колокольни Ростова Великого. Ярославль, 1995. Вып. 7. С. 163.

¹³ Никитина Т. Л. Градостроительные аспекты деятельности... С. 48.

¹⁴ Баниге В. С. Кремль Ростова Великого... С. 127–128.

¹⁵ Добровольская Э. Д. Новые материалы по истории Ростовского кремля // Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. Древний Ростов. Ярославль, 1958. Рис. 2; Эдинг Б. Ростов Великий. Углич. М., 1913. С. 69.

вырыт пруд»¹⁶. Спрашивается, откуда Никитина узнала об этом древнем саде, ведь он давно исчез, как исчезли и сменявшие его сады XVIII — начала XX в.? А очень просто, из моей статьи «Сады Ростовского кремля»¹⁷, на которую не посчитала нужным сослаться.

6. «В его составе две стены — высокая стена центрального двора и низкая ограда хозяйственного»¹⁸. Встает вопрос: о каком хозяйственном дворе идет речь? Ведь согласно бесчисленным популярным и многим научным изданиям, с южной стороны к центральному комплексу ансамбля примыкает территория Митрополичьего сада. По моим данным, хозяйственный или «дровяной двор» находился в восточной и меньшей части его территории¹⁹. В. С. Баниге упомянул о дровяном дворе, но не локализовал его местоположение²⁰. Между прочим, Никитина обошла молчанием Митрополичий сад, а также грандиозный комплекс митрополичьего Конюшенного двора, являющиеся значительной частью ансамбля Ростовского архиерейского дома. Что же это за анализ такой, если в нем не рассмотрены два из четырех основных комплексов, составляющих ансамбль!

7. «От северных святых ворот и с северной стены открывался вид на репрезентативный внутренний фасад, в настоящее время существенно изменивший свой облик, — перед зрителем стояли в ряд митрополичьи палаты и «хоромы для пришествия великих государей», будто напоказ сопоставленные, соединенные между собой и со стенами утраченными ныне переходами»²¹. В данном случае Никитина пересказывает без ссылки фрагмент моей статьи «О некоторых композиционных приемах ансамблевой организации Ростовского кремля»²². В ней я определил видовые точки, с учетом которых строилась композиция ансамбля. Среди этих точек фигурирует и место у северных святых ворот. И вот тот фрагмент моей статьи, который пересказывает Никитина: «На противоположной южной стороне центрального двора расположены два здания — Митрополичьи хоромы и Красная палата (Государские хоромы. — А.М.). Более ранним из них являются Митрополичьи хоромы, относящиеся к 50–60-м гг. XVII в. Первоначальная длина северного фасада этих хором (без восточной поздней пристройки) равна 37,5 м. А интервал между Митрополичьими хорами и северным крылом Красной палаты, которое выходит на красную линию упомянутых хором, равен 36,2 м, то есть близок к длине фасада более ран-

¹⁶ Никитина Т. Л. Градостроительные аспекты деятельности... С. 49.

¹⁷ Мельник А. Г. Сады Ростовского кремля // ПКНО. 1990. М., 1992. С. 459–464.

¹⁸ Никитина Т. Л. Градостроительные аспекты деятельности... С. 49.

¹⁹ Мельник А. Г. Ростовский митрополичий двор в XVII в. // СРМ. Ростов, 1991. С. 137; Мельник А. Г. Митрополичий сад Ростовского... С. 149–163.

²⁰ Баниге В. С. Кремль Ростова Великого... С. 49.

²¹ Никитина Т. Л. Градостроительные аспекты деятельности... С. 49.

²² Мельник А. Г. О некоторых композиционных приемах ансамблевой организации Ростовского кремля // Мельник А. Г. Исследования памятников архитектуры Ростова Великого. Ростов, 1992. С. 46–51.

него здания»²³. Как видим, там, где я занимаюсь конкретным анализом, Никитина обходится общими рассуждениями.

8. «Тщательно продуманными предстают и виды из ансамбля — с повышенной точки зрения, со стен и из окон парадных палат внутрь на центральный двор, и вовне, на окрестности»²⁴.

А вот что писал В. С. Баниге: «Таков был первоначальный архитектурный замысел: из окон дворцовых помещений — хором и палат — открывался вид на группу замечательных храмов, высоких стен и башен»²⁵. Сходство очевидно. Но, к чести В. С. Баниге, он не утверждал, как Никитина, что из тех же окон открывались виды «вовне, на окрестности».

Это одно из самых курьезных высказываний Никитиной. Она явно не подозревает, что верхняя часть южной крепостной стены кремля, откуда действительно ныне открывается широкий вид на Митрополичий сад и далее — на озеро Неро и его противоположный берег, была сильно переделана в позднее время. Тогда ее сильно растесали. В результате на месте названной части стены, имевшей узкие бойницы, появился ряд столбов с широкими пролетами между ними²⁶. Крепостные бойницы не были специально приспособлены для любования через них «видами». В этом легко убедиться, находясь на переходах стен, не подвергшихся переделкам. Подобной описанной выше растеске подверглась и верхняя часть северного прясла восточной крепостной стены. Окна же всех первоначальных «парадных» палат кремля находились ниже верха крепостных стен. Из этих окон просто было невозможно смотреть на окрестности ансамбля. Очевидно, Никитину сбил с толку третий этаж Самуилова корпуса, из окон которого действительно кое-что видно за пределами кремля. Но из научной и популярной литературы хорошо известно, что этот этаж был надстроен в XVIII в., а все гражданские здания центральной части кремля первоначально были двухэтажными, о том же говорят экскурсоводы на каждой экскурсии по кремлю. Только один В. С. Баниге полагал без особых доказательств, что Митрополичьи хоромы (Самуилов корпус) первоначально при Ионе были трехэтажными²⁷. Но я давно опроверг данное мнение В. С. Баниге, так что Митрополичьи хоромы действительно первоначально имели лишь два этажа²⁸. И эта моя работа Никитиной хорошо известна²⁹.

9. «Низкая наружная ограда и повышение берегового рельефа позволяют видеть с юга практически все здания ансамбля, все храмы, однако

---

²³ Там же. С. 50.

²⁴ Никитина Т. Л. Градостроительные аспекты деятельности... С. 49.

²⁵ Баниге В. С. Реставрация Ростовского кремля. Ярославль, 1963. С. 21.

²⁶ Иванов В. Ростов. Углич. М., 1975. С. 35.

²⁷ Баниге В. С. Кремль Ростова Великого... С. 96.

²⁸ Мельник А. Г. Исследования памятников архитектуры... С. 30–32.

²⁹ Никитина Т. Л. Градостроительные аспекты деятельности... С. 52, № 24.

лишь с далекой точки зрения, с озера»³⁰. Ключевое слово здесь «все».

А вот что писал Ю. Шамурин в далеком 1913 г.: «Но с юга, от берега озера открывается вид на весь кремль. Между ним и озером проходят в несколько рядов низкие деревянные домики, окаймляющие величественную панораму розовых стен и матовых серебристых глав. Здесь видны все кремлевские здания...»³¹, и далее подробно перечисляются эти здания, включая и те, которые не видны из-за стен ансамбля³². Вслед за Ю. Шамуриным высказался и В. С. Баниге: «Но самый чудесный вид на кремль открывается с юга, с озера: перед зрителем встает «белокаменный» древнерусский город с крепостными стенами и башнями, с храмами и палатами, переплетенными переходами и галереями, увенчанный различными по форме и высоте «верхами» с их золотыми крестами и прапорцами»³³. Ниже Баниге несколько умеряет полет своей фантазии и пишет, что над крепостными стенами возвышаются «кровли основных построек кремля»³⁴.

Действительно, над южной крепостной стеной просматриваются лишь самый верх Красной палаты и большая часть церквей, остальные же хоромы не видны из-за стен ансамбля, над которыми, если не считать упомянутого позднего третьего этажа Самуилова корпуса, и в древности, и сейчас поднимаются лишь крыши некоторых из них. Никитина же, по выражению Стенли Кубрика, рассматривает ансамбль «с широко закрытыми глазами» — сквозь призму текстов предшествовавших авторов.

10. «Очевидно, что два фасада митрополии, северный и западный, задумывались как парадные. Они открыты входящему проемами пышно оформленных ворот»³⁵.

Это вновь пересказ В. С. Баниге: «И, конечно, в соответствии с их назначением были оформлены наружные фасады владычного двора. Северные ворота — Успенский собор — таков был путь торжественного шествия владыки в праздничные дни. Западные ворота предназначались для въезда «высоких» московских гостей в митрополичий двор, к Государским хоромам. «Высокое» назначение этих обоих ворот было подчеркнуто их торжественным оформлением: надвратными храмами над въездами, большей парадностью западного и северного фасада»³⁶. Характерно, что Баниге аргументировал свои выводы, тогда как Никитина повторяет их совершенно голословно.

11. «Именно на городское пространство, на широкую площадь вокруг собора «работает» надвратная фреска северного фасада митрополии.

³⁰ Там же. С. 49.

³¹ Шамурин Ю. Ростов Великий. Троице-Сергиева лавра. М., 1913. С. 20.

³² Там же. С. 20.

³³ Баниге В. С. Кремль Ростова Великого... С. 44.

³⁴ Там же. С. 44.

³⁵ Никитина Т. Л. Градостроительные аспекты деятельности... С. 49.

³⁶ Баниге В. С. Кремль Ростова Великого... С. 45, 48.

Преемник Ионы митрополит Иоасаф, задавшись невиданной идеей обнести оградой кафедральный собор, отрезав соборный двор от городского пространства, уничтожит это градостроительное решение Ионы, как и многие другие его начинания»³⁷.

О том же писал В. С. Баниге, что при митрополите Иоасафе была построена «невысокая ограда с тремя башенками, отгородившая от большой шумной городской площади ее участок, окружавший собор и звонницу и с древних времен принадлежавший к иерархическому центру города»³⁸.

Но никакой «широкой площади» вокруг собора в XVII и на протяжении большей части XVIII в. не существовало. Эта площадь возникла лишь после реализации нового регулярного плана Ростова, утвержденного в 1779 г.³⁹ Если бы Никитина внимательно рассмотрела опубликованные дорегулярные планы этого города, то ей стало бы ясно, что в середине XVIII в., как, видимо, и до того у западных, северных и восточных стен ограды собора располагались только улицы различной ширины⁴⁰. Казалось бы, при обращении к теме градостроительства следовало бы обратиться к анализу планов города, но Никитина с необыкновенной легкостью обошлась без такого анализа. В статье вообще нет ни одного чертежа или фотографии.

Согласно опубликованным Э. Д. Добровольской документам, в 1695–1696 гг. по заказу митрополита Иоасафа действительно была построена кирпичная ограда «около соборной церкви»⁴¹, но Никитина подает этот факт как собственное открытие. К слову сказать, ни Баниге, ни Никитина не доказали, что это была первая соборная ограда и что ей не предшествовала другая.

12. «Время завершения строительства ростовского дома принято связывать с датой 1683 г., которая зафиксирована в настенной летописи церкви Иоанна Богослова»⁴². Но кем принято, Никитина не указала. В. С. Баниге в одном месте своей книги действительно высказался в этом роде⁴³, но в другом — писал, что «создание этого удивительного ансамбля относится к короткому двадцатилетнему периоду, с 1670 по 1690 год»⁴⁴. В. Иванов отнес основную часть строительства ансамбля к 1660–1680-м гг.⁴⁵ По моим же

---

³⁷ Никитина Т. Л. Градостроительные аспекты деятельности... С. 50.

³⁸ Баниге В. С. Кремль Ростова Великого... С. 29.

³⁹ Мельник А. Г. Корпус против соборной ограды в Ростове Великом // XVIII Золотаревские чтения. Материалы научной конференции. Рыбинск, 2020. С. 27–33.

⁴⁰ Тверской Л. М. Русское градостроительство до конца XVII века. М., 1953. Рис. 139; Мельник А. Г. Ростовская земляная крепость XVII века // Голландская крепость в русском городе. М., 2014. Ил. 2.

⁴¹ Добровольская Э. Д. Указ. соч. С. 41.

⁴² Никитина Т. Л. Градостроительные аспекты деятельности... С. 47–48.

⁴³ Баниге В. С. Кремль Ростова Великого... С. 94.

⁴⁴ Там же. С. 20.

⁴⁵ Иванов В. Указ. соч. С. 42.

данным, отдельные элементы ансамбля при Ионе продолжали строиться в 1680-е гг. и после церкви Иоанна Богослова⁴⁶.

13. Ростовскую земляную крепость Никитина без всякой аргументации датирует 1632–1633 гг.⁴⁷ Между тем спорной датировке этого сооружения в относительно недавнее время были посвящены специальные работы⁴⁸. Но Никитина о них умалчивает.

14. «Ансамбль (Ярославского архиерейского дома. — А.М.) составляли: каменный двухэтажный главный корпус с парадным крыльцом, каменный же одноэтажный корпус, каменная на подклете церковь Свт. Леонтия Ростовского, соединенная с главным корпусом открытым переходом на каменных устоях и арках. На переход и в церковь вели деревянные крыльца. Деревянными были: жилой одноэтажный корпус, баня, конюшня и два каретника, а также два погребя»⁴⁹. Это описание Никитина подает как свое собственное. На самом же деле она пересказала гораздо более развернутое описание Ярославского архиерейского дома, составленное А. Е. Виденеевой на основании описей 1763 и 1777 гг. и в меньшей мере описи 1701 г.⁵⁰ Следовательно, данное описание представляло облик ансамбля через 70 с лишним лет после смерти митрополита Ионы. Согласно же документам, последний построил на ярославском подворье только церковь Леонтия Ростовского и «палаты каменные архиерейския»⁵¹. Остальные перечисленные постройки никоим образом не датированы. Они могли возникнуть и до Ионы, и при Ионе, и после него между концом XVII в. и 1763–1777 гг. Но Никитина ничтоже сумняшеся приписала их строительство митрополиту Ионе. Она также использует для характеристики «подхода митрополита Ионы к ансамблевому строительству» план подворья 1812 г.⁵², тем самым окончательно вводит в заблуждение читателя. В самом деле, из сочинения В. Лествицына, известного Никитиной, явствует, что подворье горело в 1768 г.⁵³, и, значит, по крайней мере деревянные его

⁴⁶ Мельник А. Г. Исследования памятников архитектуры... С. 38; Мельник А. Г. Митрополичий сад Ростовского... С. 153; Мельник А. Г. Первоначальный интерьер церкви Григория Богослова Ростовского кремля // ИКРЗ. 1995. Ростов; Ярославль, 1996. С. 100.

⁴⁷ Никитина Т. Л. Градостроительные аспекты деятельности... С. 48.

⁴⁸ Леонтьев А. Е., Печкина Л. В. Ростовская крепость 1632 г. от постройки до современности // Вопросы истории фортификации. СПб.; М., 2012. № 3. С. 97; Мельник А. Г. Мифы ростовской земляной крепости XVII века // ИКРЗ. 2013. Ростов, 2014. С. 67–81.

⁴⁹ Никитина Т. Л. Градостроительные аспекты деятельности... С. 50.

⁵⁰ Виденеева А. Е. Ростовский архиерейский дом и система епархиального управления в России XVIII века. М., 2004. С. 59–62.

⁵¹ Летописец о ростовских архиереях / с примечаниями члена-корреспондента А. А. Титова. СПб., 1890. С. 14.

⁵² Никитина Т. Л. Градостроительные аспекты деятельности... С. 50.

⁵³ Лествицын В. Прежние архиерейские дома в Ярославле // Ярославские епархиальные ведомости. 1879. Ч. неофиц. № 38. С. 301–302.

строения после того изменились, как и многое могло измениться за прошедшие сто с лишним лет после смерти Ионы.

Здесь необходимо остановиться на том, как Никитина вообще обходится с датировками ростовских и ярославских памятников. Она по большей части об этих датировках конкретно ничего не говорит. Например, на каждой странице ее статьи фигурирует ростовский Успенский собор, но нигде не сказано, когда он был построен. А если учесть, что до недавнего времени его датировка в научной литературе колебалась от конца XV до второй половины XVII в.⁵⁴, то статья Никитиной должна привести вдумчивого читателя в полное замешательство.

Вообще же пренебрежение датировками рассматриваемых объектов — это верный признак околонучного мышления.

Специально Никитина высказалась о времени строительства Ростовского архиерейского дома только один раз: «Попытка уточнения датировок, предпринятая А. Г. Мельником, в большей степени направлена на отвод существовавшего мнения о возведении некоторых зданий в XVI в. Даты построек приблизительно распределяются им на два этапа — 1650–1660-е гг., когда возникли корпус Митрополичьих палат и Судный приказ, и 1670–1680-е, время сооружения всех прочих зданий ионинского ансамбля»⁵⁵. Во-первых, ни о каких двух этапах в моей работе речи не идет⁵⁶. Никитина сознательно исказила мои выводы. Во-вторых, если мной была предпринята лишь «попытка», то почему Никитина в своей статье последовательно следует моим датировкам памятников архиерейского дома? Напомню, что начиная с XIX в. большинство авторов, писавших о Ростовском кремле, датировало значительную часть его построек XVI в. Например, В. С. Баниге считал, что эти древние элементы «неизбежно повлияли на композицию двора, на конфигурацию его плана и расположение некоторых памятников, несколько асимметричное: большинство построек владычного двора — хоромы, церкви, частично стены и башни — возведены на стенах и фундаментах старых палат»⁵⁷.

Мои же натурные исследования показали, что за исключением Успенского собора (1508–1512)⁵⁸, весь ансамбль построен во второй половине XVII в., и основной его замысел принадлежал не частично, как думали все предшествовавшие авторы, а целиком митрополиту Ионе (1652–1690), который был не просто заказчиком, а в полном смысле автором данного памятника⁵⁹.

---

⁵⁴ Мельник А. Г. Новые данные об Успенском соборе Ростова Великого // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1991. С. 125–126.

⁵⁵ Никитина Т. Л. Градостроительные аспекты деятельности... С. 48.

⁵⁶ Мельник А. Г. Исследования памятников архитектуры... С. 30–45.

⁵⁷ Баниге В. С. Кремль Ростова Великого... С. 45.

⁵⁸ Мельник А. Г. Новые данные об Успенском... С. 125–135.

⁵⁹ Мельник А. Г. Ростовский митрополит Иона (1852–1690) как творец сакральных

Вот этой идее и следовала Никитина.

Что же Никитина привнесла в статью от себя? В частности, она ополчилась на название Ростовский кремль. Якобы термин «кремль» навел «морок» на одного из исследователей ансамбля М. А. Ильина⁶⁰. Фактически же все писавшие об этом ансамбле, и я в том числе, вполне отдавали себе отчет в том, что он первоначально представлял собой резиденцию церковного иерарха. Беда в том, что, взявшись писать об этом ансамбле, Никитина так и не уяснила себе, из каких компонентов он состоял первоначально в представлении самого Ионы, его современников, а также людей XVIII в.

Пытаясь анализировать ансамбль Ростовского архиерейского дома, Никитина пишет: «При взгляде с севера архиерейский дом практически не виден за собором»⁶¹. Да, конечно, если встать у самой северной стены собора, то за ней ничего не увидишь, как ничего не увидишь, находясь в данной позиции, за любой глухой стеной. Но если от упомянутой соборной стены отойти на достаточное расстояние, оставаясь в городе, то за собором прекрасно видны многие башни и церкви ансамбля. Никитиной, видимо, невдомек, что при рациональном рассмотрении какого-либо вида необходимо четко определять местоположение точки зрения или точки обзора. И это у них градостроительным анализом зовется!

Но дело даже и не в этом. Никитина рассматривает ансамбль только с четырех сторон, строго — с севера, юга, востока и запада, как будто он рассчитан лишь на такое восприятие. На самом же деле в городском пространстве архиерейский дом и ныне, и в прошлом можно было обойти по кругу, и люди его видели в самых разных ракурсах. Никитина просто не подозревает, как следует анализировать подобного рода ансамбли.

Вот на таком дилетантском уровне написана вся статья Никитиной.

В пылу полемики с М. А. Ильиным Никитина пишет: «Ведь ростовский собор был и остается на своем месте в центре городской крепости, он никогда не стоял на архиерейском дворе, и никакие традиции в данном случае не были нарушены»⁶².

На самом деле ростовский собор находится не в центре, а в северо-восточной части территории, окруженной валами земляной крепости. Неплохо бы было Никитиной научиться как следует ориентироваться в пространстве нашего города. Но этот мой совет слишком запоздал.

Никак не солидаризируясь с М. А. Ильиным, добавлю следующее. Источники свидетельствуют, что клир собора в XVII в. состоял в штате митрополичьего дома, а соборный протопоп исполнял некоторые функции

пространств // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 740–753.

⁶⁰ Никитина Т. Л. Градостроительные аспекты деятельности... С. 47.

⁶¹ Там же. С. 48.

⁶² Там же. С. 47.

по управлению Ростовской епархией⁶³. Таким образом, собор в организационном плане принадлежал архиерейскому дому. О том же свидетельствует и Опись последнего 1691 г., которая известна Никитиной. В этой Описи зафиксированы Успенский собор, его звонница, собственно митрополичий двор, дровяной двор, конюшенный двор, сад и находящийся в нем монастырь с церковью Григория Богослова⁶⁴. То же самое еще более наглядно демонстрирует старейший план архиерейского дома 1793 г.⁶⁵ На нем мы видим все компоненты дома: соборный двор с Успенским собором и звонницей, собственно архиерейский двор, митрополичий сад, конюшенный двор и утраченную богадельню. В предписании, выданном архитектору А. Гусеву, который выполнил этот чертеж, говорилось, чтобы он «весь бывший архиерейский дом положил на план со всею верностью...»⁶⁶. Следовательно, под архиерейским домом понимался весь ансамбль с его центральной частью, обнесенной крепостными стенами, соборным двором, Митрополичьим садом, конюшенным двором и богадельней. Из вышесказанного следует, что в общественном сознании XVII–XVIII вв. Ростовский архиерейский дом предстал в двух значениях: в узком — как центральный комплекс, обнесенный крепостными стенами, и в широком — как ансамбль, включавший в себя и этот комплекс, и соборный двор, и заключенные в единую ограду Григорьевский монастырь, митрополичий сад, дровяной двор, и конюшенный двор, и богадельню. Так что Успенский собор при Ионе и позже входил в состав митрополичьего дома.

Все эти факты содержатся в опубликованных источниках, доступных Никитиной, но, по ее же собственному выражению, она предпочла навести «морок» на читателей. Все сказанное выше свидетельствует, что с пространственным мышлением у Никитиной не все ладно.

Насколько же Никитина обладает таким мышлением, мы можем судить еще по одному примеру. В своей книге о настенных росписях, которая является публикацией ее кандидатской диссертации, Никитина предложила следующий анализ пространственных визуальных связей в ростовском Успенском соборе времени митрополита Ионы:

«Невысокий ионинский иконостас позволял видеть из наоса большую часть росписи центральной апсиды...»⁶⁷.

Поскольку этот иконостас давно не существует, Никитиной пришлось сослаться на мою работу об иконостасах собора⁶⁸. Но в этой статье, со-

⁶³ Мельник А. Г. Ростовский митрополичий двор в XVII в. // СРМ. Ростов, 1991. Вып. 1. С. 135.

⁶⁴ Мельник А. Г. Опись Ростовского архиерейского дома 1691 г. // СРМ. Ростов, 2014. Вып. 20. С. 192–267. См. указатель, с. 268–290.

⁶⁵ Добровольская Э. Д. Новые материалы по истории... Рис. 2.

⁶⁶ Там же. С. 35.

⁶⁷ Никитина Т. Л. Русские церковные стенописи... С. 98.

⁶⁸ Мельник А. Г. К истории иконостаса Успенского... С. 338–343.

державшей графическую реконструкция указанного иконостаса⁶⁹, не было и речи, что он «невысокий», ведь высота его от уровня пола храма равнялась 9,8 м. Чтобы Никитина могла поверх данного иконостаса увидеть фрески центральной апсиды, ей пришлось бы взлететь как птице на высоту более десяти метров. Но увы, Никитина не птица и летать не может. Обычным же людям XVII в., пришедшим в собор, ионинский иконостас заслонял росписи апсид алтаря. Любой человек с развитым пространственным мышлением и элементарной профессиональной сноровкой легко бы это понял, сопоставив мой чертеж упомянутого иконостаса с реальным пространством собора. Но это не смогла сделать Никитина. Здесь пристрастие Никитиной к использованию чужих идей сыграло с ней злую шутку. Вот что я писал о роли иконостаса во внутреннем пространстве собора много лет назад:

«Невысокий иконостас почти не нарушал зрительных связей собственно храма и алтаря. Вся верхняя часть апсид, включая и конхи, была доступна для обозрения из пространства для молящихся»⁷⁰.

Не правда ли, очень похоже на приведенное выше утверждение Никитиной. Но я-то имел в виду первоначальный иконостас собора, состоявший лишь из местных икон и одного деисусного чина. Этот иконостас действительно был невысоким. Соборный же иконостас при митрополите Ионе сильно вырос и состоял из местного, деисусного, праздничного, пророческого, праотеческого чинов и завершался рядом резных херувимов и серафимов⁷¹. Его высота в 9,8 м прямо следует из моего чертежа⁷². Как можно было назвать такой иконостас невысоким?! То, что я утверждал относительно первоначального иконостаса, совершенно не соответствовало иконостасу ионинскому. Не худо было бы Никитиной сначала научиться читать чертежи, а потом только писать об архитектуре и градостроительстве.

Итак, мы убедились, что статья Никитиной кроме ложных и просто дилетантских построений в значительной мере состоит из заимствований в форме парафразов из чужих работ.

Напомню, что в тексте «Редакционная этика», которому журнал «Архитектурное наследство» предлагает следовать своим авторам, говорится следующее:

«Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты или перефразирование, неприемлемы. Авторы, передавшие рукопись статьи в редакцию, подтверждают, что их текст не нарушает чьих-либо авторских прав»⁷³.

Как видим, статья Никитиной совершенно не соответствует данным

⁶⁹ Там же. С. 341.

⁷⁰ Мельник А. Г. Интерьер ростовского успенского собора в XVI–XVIII вв. // СРМ. Ростов, 1993. С. 60.

⁷¹ Мельник А. Г. К истории иконостаса Успенского... С. 340–341.

⁷² Там же. С. 341.

⁷³ Редакционная этика [Электронный ресурс] URL: <http://www.archiheritage.org/ru/ethics.html> (дата обращения: 25.04.2021).

требованиям, поскольку откровенно нарушает авторские права других исследователей способом «перефразирования». Это не научная статья, а псевдонаучная. И надо сказать, что Никитина в подобном роде пишет уже давно. Еще в 2010 г. я опубликовал статью «Торжество псевдонауки», в которой приданы огласке основные способы работы Никитиной и ее соавтора Р. Ф. Алитовой, состоящие в заимствовании без ссылок данных у других авторов и во введении в заблуждение читателей⁷⁴.

Такого рода творения находят поддержку лишь потому, что «кто-то кое-где у нас порой» живет и действует под девизом: «Принцип преданности научному клану выше принципа поиска истины».

---

⁷⁴ *Мельник А. Г.* Торжество псевдонауки // Книжная культура Ярославского края. Материалы научной конференции. Ярославль, 2010. С. 145–152;